

Предприниматели и рабочие: эволюция взаимоотношений

В отечественной историографии уже много сделано в плане анализа политики буржуазии и царизма по рабочему вопросу, с одной стороны, и борьбы рабочих за свои права - с другой. Однако большой накопленный материал требует обобщения на современном уровне, в частности, в плане эволюции отношений предпринимателей и рабочих. Кроме того, в связи с идеологизацией истории в советский период проблема рассматривалась преимущественно с точки зрения эксплуатации рабочего класса. Это существенно мешало созданию объективной картины производственных и иных отношений между классами.

Взаимоотношения предпринимателей и рабочих включают комплекс проблем, которые можно объединить в две основные группы. К первой относятся взаимоотношения хозяев и рабочих в процессе производства. Они проявлялись в условиях найма, начислении заработной платы, продолжительности рабочего дня, порядке работы на предприятии, штрафования и т.п. Вторую группу составляют вопросы социального плана, выходящие за рамки производства, но имеющие большое значение для жизни и труда рабочих, воспроизводства рабочей силы: образование (профессиональное и общее) и повышение культурного уровня рабочих, жилье, медицинское обслуживание, различные виды социального обеспечения.

Основным направлением эволюции взаимоотношений предпринимателей и рабочих России в XIX - начале XX в. был переход от патриархальных отношений, свойственных традиционному (феодальному) обществу, к отношениям нового капиталистического порядка. Этот переход происходил под влиянием объективных и субъективных факторов: становления и развития крупной промышленности, эволюции российского общества от сословного к гражданскому, формирования буржуазии и рабочего класса, политики правительства в отношении этих классов, классовой борьбы. Патриархальные отношения, утвердившиеся в промышленности в первой половине XIX в., продолжали оставаться господствующими и после реформы 1861 г. - по крайней мере, видимо, до 80-90-х гг. XIX в., хотя до реформы они были связаны в значительной мере с принудительным трудом, а после нее - с наемным. Эта грань в известной мере условна в связи с существенными отличиями в уровне социально-экономического развития различных отраслей хозяйства и районов страны. Тем не менее процесс индустриализации, происходивший в 90-е гг., а также издание в 80-90-е гг. XIX в. ряда фабричных законов позволяют говорить о начале нового периода во взаимоотношениях предпринимателей и рабочих.

При патриархальном строе хозяин считался благодетелем, дающим рабочим средства к существованию, а отношения между ними строились на основе личных, как правило, устных договоренностей. Проявлением патриархальности являлся длительный период найма по словесному договору между владельцем и рабочими, часто не зафиксированному ни в каких документах. Обычно хозяин давал задаток, а рабочий передавал ему свой паспорт. При этом все условия найма - продолжительность рабочего дня, величина заработной платы и условия ее выдачи, порядок работы на предприятии, штрафы и т.д. - зависели практически полностью от предпринимателя. В условиях первоначального накопления и становления крупной капиталистической промышленности господствовали наиболее грубые, хищнические формы эксплуатации рабочих.

Введение расчетных книжек в фабрично-заводской промышленности в 1886 г., а в горной - в 1890-х гг., которые рассматривались законом как договор между хозяином и рабочим, наряду с регламентацией порядков на производстве и созданием института фабричной инспекции, переводило взаимоотношения предпринимателей и рабочих в этих отраслях на новый уровень. Однако характер найма в мелкой промышленности, торговле, строительстве и других отраслях менялся медленно. Да и на фабрично-заводских предприятиях пережитки патриархальных отношений сохранялись до начала XX в. Они проявлялись в многочисленных отступлениях от закона 1886 г. при найме, а также в различных формах зависимости рабочих в связи со сдачей ими видов на жительство при поступлении на работу, проживанием в фабричных казармах, где действовали принуждение и контроль, задолженностью рабочих хозяевам в результате получения продуктов из харчевых лавок и т.д. Живучесть патриархальных отношений была следствием длительного использования крепостного права в промышленности, где абсолютное большинство рабочих (в том числе индустриальных) составляли бывшие крестьяне, сохранения ими связи с землей и общиной, купеческо-дворянско-крестьянского происхождения большей части предпринимателей, сохранения сословности и других норм общественных отношений традиционного общества,

расположения преобладающего числа промышленных предприятий в сельской местности и других факторов.

В России роль государства в регулировании отношений между предпринимателями и рабочими (как и во многих других сферах общественной жизни) была особенно велика. Принятие законов о труде было длительным процессом, охватывающим конец XVIII - начало XX в. Отражая уровень социально-экономического развития и рабочего движения на различных исторических этапах, эти законы несли на себе также печать деятельности феодального, а затем эволюционировавшего в буржуазную монархию государства. Фабричные законы, проекты которых активно разрабатывались с 60-х гг. XIX в., принимаются лишь в 80-е гг., и с этого времени их число постоянно пополняется. Однако до 1917 г. создание всесторонне развитого фабричного законодательства так и не было завершено. Многие отряды рабочих оставались вне сферы действия законов о труде.

В оценке политики правительства по рабочему вопросу и фабричного законодательства, в частности, нет единства мнений. В литературе отмечается переплетение попечительных и репрессивных мер в политике правительства и в фабричных законах. Одной из слабых сторон историографии является, на наш взгляд, недоучет эволюции политики по рабочему вопросу. Кроме того, как правило, ставится знак равенства между попечительством и патернализмом.

Два эти понятия близки между собой, но не идентичны. Патернализм есть явление идейного порядка. Ведущий свое начало от религиозных, церковных отношений он выражал идею надклассовости государства, "отеческого" отношения царя к своим подданным, в том числе к предпринимателям и рабочим, причем не только в рамках их взаимоотношений, но и в более широких масштабах (политика покровительства промышленности и др.). С точки зрения хозяев патернализм - выражение единства их с рабочими, чувства одной "семьи" во главе с "отцом"-благодетелем.

Попечительство, основываясь на этой идейной позиции, представляло собой конкретные меры правительственных органов или представителей буржуазии в отношении предпринимателей и рабочих в первом случае и рабочих - во втором.

В свою очередь патернализм и попечительство связаны с патриархальным характером отношений, существующих в обществе, и по мере их изживания не могут оставаться неизменными. Они эволюционируют в сторону буржуазно-либеральной идеи классового мира и сотрудничества. Однако этот процесс в России не был завершен. Поэтому представляется возможным, на наш взгляд, говорить о патриархально-попечительной политике царизма и буржуазии в XIX в. и попечительно-буржуазной - применительно к концу XIX - началу XX в.

Попечительство проявилось еще в дореформенный период и касалось социально-бытовых и социально-культурных сфер жизни рабочих на отдельных казенных и частных предприятиях. В 1866 г. медицинское обслуживание рабочих было регламентировано специальным положением Совета министров. Взаимоотношения предпринимателей и рабочих на производстве отражены в фабричных законах. При этом в 80-х гг. XIX в. они касались ограничения женского и детского труда, вопросов найма, штрафования, в 90-х - продолжительности рабочего дня и лишь в XX в., особенно накануне Первой мировой войны, социального страхования рабочих. Подобная последовательность в принятии законов отражала насущные потребности рабочих, проступавшие в их требованиях в ходе рабочего движения.

Фабричные законы, издаваемые правительством, были призваны урегулировать отношения предпринимателей и рабочих, смягчить противоречия между ними. При этом самодержавие учитывало в известной мере интересы и предпринимателей, и рабочих, но в меньшей мере пеклось о своих собственных интересах, о сохранении стабильности существующего строя. Фабричное законодательство было направлено на изменение трудовых отношений в сторону более цивилизованных. Не случайно при его подготовке внимательно изучался и использовался аналогичный опыт западноевропейских стран, особенно Германии. Однако буржуазное начало в русских законах соседствовало с пережиточными положениями. Фабричное законодательство несло на себе печать грубых, примитивных форм эксплуатации, господствовавших в стране (продолжительный рабочий день, низкая заработная плата, широкое распространение сверхурочных работ, штрафов и др.).

Если по закону 1897 г. продолжительность рабочего дня в обрабатывающей и горно-заводской промышленности составляла 11,5 часа, то в начале XX в. преобладающая масса рабочих трудилась от 9 до 11 часов. При этом продолжительность рабочего дня была связана с организацией труда на производстве в целом (круглогодичным или сезонным его

характером, количеством рабочих смен), а также со степенью технической оснащенности предприятий.

Основным вопросом для русских рабочих были низкие заработки. Как показывает статистика стачек, повышения заработной платы требовало абсолютное большинство рабочих на всех этапах рабочего движения. Установлено, что номинальная заработная плата рабочих в России в начале XX в. росла, а реальная - оставалась почти на одном уровне, лишь немного поднявшись под влиянием революции 1905 г. При этом ее уровень зависел от концентрации производства, энерговооруженности труда, квалификации рабочих, производительности труда. В начале XX в. в большинстве отраслей российской обрабатывающей промышленности расходы на заработную плату в общей сумме доходов предприятий составляли значительную часть - от 40 до 50%. Однако при завышенной концентрации рабочей силы средний заработок одного рабочего оказывался низким.

В условиях, когда основная часть рабочих приходила из деревни и работала на производстве не более года, в русской промышленности ощущался недостаток квалифицированных, профессионально подготовленных рабочих кадров. С низкой квалификацией большинства рабочих были связаны, на наш взгляд, штрафы, которые в литературе оцениваются или как средство понижения заработков, или как способ повысить дисциплину труда. Видимо, и здесь можно говорить об определенной эволюции: со временем роль штрафов менялась. Во всяком случае в 1913 г., по данным фабричной инспекции, в подведомственных ей предприятиях 73,4% общего числа штрафов взималось за неисправную работу, 15,8% - за прогулы и 10,8% - за нарушение порядка. Штрафы должны были стимулировать рабочих трудиться лучше, изготавливать качественную продукцию.

Согласно закону о страховании рабочих 1912 г., касающемуся фабрично-заводской, горной промышленности, крупных предприятий железнодорожного и водного транспорта, процентные нормы социальных выплат в России фактически почти не отличались от подобных в Германии. Однако, поскольку заработки в России были низкими, русские рабочие оказывались гораздо менее социально обеспеченными.

В последнее время много пишут о благотворительности, которая действительно являлась проявлением попечительности владельцев. Однако следует иметь в виду, что это не было политикой всего класса буржуазии. Благотворительной деятельностью занимались отдельные, наиболее образованные, дальновидные, либерально настроенные предприниматели. Их число в конце XIX - начале XX в. росло. Размеры благотворительности зависели от материальных возможностей и от личных качеств хозяев. Но их попечительство касалось, как правило, социальных, бытовых и культурных сфер. Далеко не все предприниматели сочетали свою благотворительность с готовностью к прогрессивным изменениям на самом производстве, с сокращением рабочего дня или увеличением заработной платы.

Для мелкой и средней буржуазии, составлявшей большинство класса, превалирующей и в начале XX в. была политика хищнической эксплуатации рабочих. Так, например, по данным промышленной и профессиональной переписи 1918 г. в промышленных заведениях ЦПР (непрерывно действовавших в 1913-1918 гг.), в 1913 г. расходы на содержание казарм рабочих, квартирные деньги, расходы на питание и т.п. составляли всего 1% от стоимости валовой продукции.

Едва ли не самым главным отличием взаимоотношений российских предпринимателей и рабочих по сравнению с таковыми в западноевропейских странах было отсутствие в России до 1905 г. профессиональных рабочих организаций. На Западе именно с помощью профессиональных союзов решались многие классовые конфликты и достигалось определенное согласие между буржуазией и рабочими. В России такой возможности не было. Запрещая профсоюзы, правительство пыталось регулировать отношения хозяев и рабочих своими методами - с помощью фабричных инспекторов, а затем фабричных старост, зубатовских обществ и т.п. Но эти меры не приносили ощутимых результатов. При отсутствии демократических свобод способом воздействия рабочих на предпринимателей и правительство являлись главным образом стачки, которые тоже долгое время считались вне закона. С конца XIX в. экономические отношения на фабриках и заводах стали предметом пристального внимания и вмешательства создававшихся политических организаций и партий.

Признание под влиянием революции 1905 г. законности экономических стачек, легализация профсоюзов и других рабочих организаций было важным шагом по пути либерального решения рабочего вопроса. Вместе с тем установленные правительством ограничения, касающиеся создания и деятельности профсоюзов, с одной стороны, и низкий уровень развития многих отраслей рабочего класса - с другой, обусловили слабую вовлеченность

рабочих в эти организации. По неполным данным, в 1907 г. в европейской части страны (без Прибалтики и Финляндии) в профсоюзы входило 246 тыс. человек, что составляло примерно 3,5% рабочих, занятых в тех отраслях производства, где существовали профсоюзы. Между тем к 1904 г. в Германии в профсоюзы входило 27% рабочих, в Англии - 33%, в Дании - 50% и т.д.

Обращая основное внимание на революционную борьбу рабочих организаций, советская историография не изучала их деятельность по улаживанию конфликтов на производстве. И тем не менее можно утверждать, что ее масштабы были незначительны. Ей активно противодействовали и сами предприниматели. Известно, например, что конвенция Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, действовавшая в 1912-1914 гг., категорически запрещала вмешательство профессиональных союзов в отношении рабочих и предпринимателей (особенно в вопросы приема и увольнения рабочих, установления заработной платы и условий найма, выработки правил внутреннего распорядка), предписывала не допускать постоянного представительства рабочих в виде депутатов, старост и т.п.

Эволюция взаимоотношений предпринимателей и рабочих во второй половине XIX - начале XX в. показывает ведущую роль прогрессивных тенденций при сохранении пережиточных форм, особенно широко распространенных в отсталых отраслях хозяйства и районах страны. Незавершенность процесса модернизации России в экономическом и социальном отношении проявлялась и во взаимоотношениях складывающихся классов капиталистического общества. Классового мира между ними достигнуто не было. Напротив, усиливалась конфронтация, закончившаяся трагически вначале для буржуазии, а затем и для самого рабочего класса, ставшего заложником тоталитарной системы.

С.В. Тютюкин. Продолжая разговор о взаимоотношениях труда и капитала в дореволюционной России, хотелось бы добавить, что сейчас в трактовке этой проблемы происходит существенный поворот: если советская историография в самых мрачных красках рисовала картину жесточайшей эксплуатации пролетариата буржуазией, отдавала свои симпатии первому и обличала вторую, то ныне историки и социологи все чаще делают акцент на том, что предприниматели и рабочие - это прежде всего деловые партнеры, каждый из которых не может обойтись без другого, что буржуазия "кормит" миллионы рабочих, а те, в свою очередь, помогают ей создавать национальное богатство. В традиционном портрете российского дельца-хищника появляются новые тона и полутона: благотворительность, меценатство, забота о рабочих, религиозность, высокая нравственность. Уходит в прошлое и былая идеализация пролетариата, говорить о пороках которого раньше, мягко говоря, считалось неудобным. Между тем пьянство, низкая культура труда и быта, а часто и их полное отсутствие, аморальные поступки были в России постоянными спутниками жизни сотен тысяч людей труда, причем виноваты в этом были и условия, в которых они жили и работали, и сами люди, часто неспособные противостоять условиям своего жалкого, нередко полуживотного существования.

Видимый парадокс ситуации состоит в том, что как историки-традиционалисты, так и их более молодые и гибкие оппоненты оперируют реальными, неопровержимыми фактами, еще раз доказывая этим опасность и несостоятельность любых схем и абстрактных социологических построений, ибо всегда были и есть рабочие и рабочие, капиталисты и капиталисты, есть разные эпохи в развитии страны и промышленного производства, есть, наконец, понятие прогресса, отрицающего абсолютное обнищание и нравственную деградацию людей. Поэтому историк должен всегда видеть динамику и основной вектор развития исторического процесса, не ограничиваться делением общества на классы, а различать внутри последних множество слоев и групп, не сводить все многообразие социальных взаимоотношений лишь к беспощадной борьбе людей за место под солнцем, хотя такая борьба шла, идет и в обозримом будущем будет идти. Историк обязан не упускать из вида конкретного человека, будь то предприниматель или рабочий, действующего в не менее конкретных обстоятельствах места и времени, не поддаваясь соблазну неоправданно широких обобщений и категоричных выводов, чем нередко грешили сторонники жестких марксистских взглядов и узкоклассового подхода.

Российский капитализм набирал силу на костях и крови рабочих. Так, на строительстве Волго-Донской железной дороги, которое вел миллионер-откупщик Василий Кокорев, только в 1859 г. от непосильного труда, плохого питания и тяжелых бытовых условий погибло около 500 рабочих, что вызвало массовые волнения и бегство строителей. Добавим, что Кокорев был далеко не худшим представителем своего класса, выступал за освобождение крестьян, любил порассуждать о "сочувствии к серому русскому человеку", а под конец жизни даже воспринял идеи "государственного социализма".

И в дореволюционной, и в советской, и в зарубежной историографии можно найти множество примеров подобного рода, которые было бы бессмысленно ставить под сомнение. Отсутствие трудового законодательства, крайняя дешевизна рабочей силы, грубость нравов в предпринимательских кругах, общий дух крепостнических отношений, который еще витал над страной, и бешеная погоня за прибылью, характерная для эпохи первоначального накопления, - все это делало положение рабочих в России особенно тяжелым. Единственными сдерживающими произвол предпринимателей факторами были религия (в частности, принадлежность многих представителей торгово-промышленного мира к старообрядчеству), патриархально-общинные традиции, еще сохранявшиеся в отношениях между фабрикантами и рабочими, а также призрачное "попечение" властей о нуждах последних. Разумеется, всего этого было слишком мало, чтобы противостоять разгулу произвола и беззакония, парившим в сфере взаимоотношений труда и капитала.

Однако постепенно российская буржуазия начинала осознавать ту простую истину, что прежде, чем требовать от рабочих добросовестного и высокопроизводительного труда, нужно создать им элементарные человеческие условия: дать жилье, устроить больницу, школу, магазин, чайную, позаботиться о нормальном освещении и вентиляции в цехах и т.п. Конечно, позволить себе такую "роскошь" могли (и хотели) далеко не все заводчики и фабриканты. Но так или иначе тенденция к улучшению условий труда и быта рабочих на рубеже XIX-XX вв. была налицо и приобретала в торгово-промышленных кругах все больше сторонников. Возьмем, к примеру, известную династию подмосковных текстильных фабрикантов Коншиных, получивших в 1882 г. потомственное дворянство "в воздаяние заслуг перед отечественной промышленностью и торговлей". К 1917 г. на их предприятиях в Серпухове работали 13 тыс. рабочих и служащих. Хозяева предоставляли им бесплатные жилые казармы, построили поселок для семейных рабочих с индивидуальными домами, больницу с тремя врачами, двухклассное училище на 500 учеников. Однако унижительные обыски рабочих при выходе с предприятия были отменены лишь после "Кровавого воскресенья" в 1905 г., а требование 8-часового рабочего дня отменялось с порога. Заметим, что разного рода "послабления" фабрикантов рабочим не спасали от забастовок, поскольку требования пролетариата не без влияния агитаций революционеров непрерывно росли, и дух вражды между предпринимателями и наемными рабочими никогда не исчезал. Так было, в частности, и на предприятиях Коншиных, где рабочие бастовали в 1869, 1897, 1899, 1902, 1905, 1912 гг.

Беспрецедентными мерами по улучшению условий жизни рабочих прославился представитель четвертого поколения известной текстильной династии А.И. Коновалов, дважды входивший в 1917 г. в состав Временного правительства. Он одним из первых в России установил на своих фабриках 9-часовой рабочий день; не преследовал за участие в забастовках, считая их естественной формой взаимоотношений между трудом и капиталом; обеспечивал рабочих за счет прибылей фирмы жильем; заботился об их образовании и здоровье. В том же духе строили свои отношения с рабочими братья Рябушинские, С.И. Четвериков, С.Т. Морозов, иностранные предприниматели Джон Юз, Ю.П. Гужон, Ф.К. Сен-Галли, работавшие в России, и некоторые другие.

Много ли было в России таких "прогрессивных" капиталистов? Ответа на этот вопрос, который до недавнего времени уже сам по себе считался политически вредным, пока нет. Однако специалисты считают, что у нас нет оснований преувеличивать удельный вес этой группы российской буржуазии, ибо при попустительстве царского правительства в России до 1917 г. преобладали отнюдь не Коноваловы, Рябушинские или Коншины, а их хищные, ограниченные и равнодушные к простым людям собратья по торгово-промышленному классу. Не будем забывать и другое: Россия всегда была бедна капиталами и капиталистами, особенно если сравнивать ее в этом отношении с более развитыми западными странами, а 1917 год прервал ее развитие по буржуазному пути в тот момент, когда она прошла только меньшую, наиболее трудную его часть и была еще далека от исчерпания конструктивных возможностей этого общественного строя.

Спора нет: отношения между трудом и капиталом в России так и не приняли к 1917 г. упорядоченных законом, цивилизованных форм. Кое-что в этом отношении было сделано, начиная с 80-х гг. прошлого столетия и особенно в 1905-1912 гг. Позитивную роль сыграла здесь и Первая российская революция, хотя у нее были и свои значительные издержки. В общем и целом положение рабочего класса в России постепенно улучшалось, но процесс этот шел слишком медленно, его стартовая отметка была слишком низкой, а отставание от передовых стран Запада - слишком значительным. Если добавить к этому, что рабочие требовали не только улучшения своего материального и правового положения, но и

признания их права на достойную людей жизнь, то ситуацию в дореволюционной России следует признать подлинно взрывоопасной.

Долгое время в советской историографии бытовало мнение, что классовая борьба была единственным эффективным средством, с помощью которого рабочие могли заставить буржуазию пойти на уступки. Не отрицая роли забастовочного движения как важного инструмента социальной защиты пролетариата и давления на правительство и буржуазию, заметим, что в реальной действительности ситуация выглядела значительно сложнее. Определенное значение имели здесь и такие факторы, как личные характеристики предпринимателя (склад характера, уровень образования, общественное положение, родственные связи, отношение к религии, политические взгляды и т.д.), текущее состояние его дел, общая экономическая и финансовая конъюнктура в России и на мировом рынке, политика правительства, степень организованности буржуазии в масштабах отрасли, региона или государства в целом. Бывали случаи, когда предприниматели сами шли на уступки рабочим, проявляя известную социальную дальновидность и учитывая негативный опыт своих собратьев по классу, в том числе и зарубежных. Но случалось и так, что даже длительные, вовлекавшие в свою орбиту тысячи участников стачки наталкивались на упорное сопротивление предпринимателей, которые чувствовали свою коллективную силу перед лицом рабочих и поддержку властей или действительно не могли удовлетворить требования бастующих, боясь разорения и утраты конкурентоспособности на рынке сбыта. Последний мотив, достаточно часто звучавший в публичных выступлениях предпринимателей, обычно расценивался в советской историографии как пустая отговорка или откровенная демагогия, хотя нередко эти жалобы вполне соответствовали действительности (не будем забывать о большом количестве религиозных праздников в России, прогулах и пьянстве рабочих, низкой производительности их труда и т.д.).

В этой связи нелишне заметить, что советская историография всегда исходила из презумпции законности любых требований рабочих к предпринимателям. Степень радикализма этих требований, их агрессивность и "крутость" считались лучшим признаком революционности тех, кто руководил забастовщиками, а в любых уступках стачечников капиталистам видели признаки оппортунизма, если не предательства коренных интересов пролетариата. Между тем каждый, кто серьезно изучал эту проблему, знает, что рабочие нередко выдвигали требования "с запросом", а порой их охватывал настоящий "стачечный азарт" (1905, 1912-1913 гг.), не говоря уже о том, что в России с начала XX в. всегда был очень велик удельный вес политических стачек и стачек солидарности, проходивших под самыми радикальными революционными лозунгами. Однако в подавляющем большинстве случаев рабочие ограничивались вполне разумными требованиями, которые в основном и удовлетворялись фабрикантами. Так, даже в тяжелые для рабочих годы столыпинской стабилизации режима и затяжной экономической депрессии 40-50% стачек заканчивались полной, а чаще частичной победой бастующих.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что данная проблема нуждается в дальнейшем углубленном изучении, причем оценки и выводы не должны опережать само исследование, как это часто бывало раньше. При этом почти полное отсутствие конкретных данных по отдельным фирмам и предприятиям мешает нарисовать и более широкую объективную картину в масштабах всей страны. Мы еще слишком мало знаем об уровне эксплуатации рабочих в дореволюционной России, прибылях капиталистов и т.д., хотя общие разговоры на эту тему ведутся достаточно давно. Очень важно при этом продолжить и компаративные исследования, которые помогут лучше понять, почему Запад выходил из кризисных ситуаций с меньшими издержками и потерями, а в России гнев народа на своих угнетателей выливался в форму революций и настоящей гражданской войны, в которых обе стороны прибегали к самым нецивилизованным формам отстаивания своих интересов.

Ю.А. Петров

Предприниматели и власть в России на рубеже XIX-XXвв.

Советская историография, заложившая основы исследования политической активности российской буржуазии в позднеимперский период, исходила из обязательных в то время идеологических догм, предопределявших "разоблачительный" тон большинства работ, восприятие социального антипода пролетариата с "той стороны баррикад". Общим местом в них стали разоблачение несостоятельности претензий буржуазии на гегемонию в общест-

венном движении, подчеркивание ее слабости, политической раздробленности, склонности к компромиссу с официальной властью и т.п. Высвобождение из-под идеологического пресса дает сегодня историкам шанс создать объективную картину истории взаимоотношений делового мира России с правительственной властью, не впадая при этом в свойственный иным современным автором апологетический, конъюнктурный тон, не менее опасный для науки, чем прежние догматы.

Историография западная, американская прежде всего, признавая наличие в российском обществе влиятельного в экономическом плане предпринимательского слоя, делает, тем не менее, упор на его принципиальные отличия от европейской буржуазии, подчеркивает поиск духовными вождями отечественного предпринимательства специфически российского пути общественного развития вне западной либеральной модели ("неославянофильство"), акцентирует внимание на внутренних противоречиях внутри слоя и слабости его позиций в общественно-политической жизни, на незавершенности процесса классообразования в предпринимательской среде и т.п. На наш взгляд, западноцентристская модель, служащая образцом для зарубежной историографии, не позволяет достаточно обоснованно различать простые "особенности" развития российской буржуазии от "признаков отсталости".

На рубеже XIX-XX в. российские предприниматели не имели какой-либо политической организации. В интересах экономической модернизации самодержавный режим допускал объединение предпринимателей в представительных и совещательных организациях, таких как биржевые комитеты или советы торговли и мануфактур, однако уровень их компетенции был жестко ограничен вопросами торгово-промышленной политики. Правительство нуждалось в профессиональной экспертизе деловых кругов, но на протяжении всего пореформенного периода крайне настороженно относилось к инициативе предпринимателей, опасаясь их объединенной оппозиции в экономической и политической сферах.

Экономическая политика правительства, направленная на усиление протекционистской защиты отечественной промышленности от иностранной конкуренции, в целом отвечала интересам предпринимательских кругов. С другой стороны, экономический союз бизнеса и власти во второй половине XIX в. был определенной платой за политическое бесправие буржуазии, робкие попытки которой возвысить голос по общегосударственным проблемам жестко пресекались из Петербурга. Тем не менее и в сфере торгово-промышленной политики на рубеже XIX-XX вв. предпринимательский класс стал выступать против мелочной регламентации экономической жизни имперским государством.

Неприятие вызывал и гипертрофированный госсектор народного хозяйства, мало совместимый с системой рыночной экономики, но тщательно оберегаемый правительством в собственных интересах, прежде всего в отраслях военной индустрии. Правящие круги, по оценке одного из политических лидеров предпринимательского класса П.П. Рябушинского, "всецело полагаются на организаторский талант нашего правительства, не рассчитывают на плодотворность частной хозяйственной инициативы, а думают, что весь залог благоденствия кроется в казенном хозяйстве". В экстремальных же условиях Первой мировой войны тенденция к огосударствлению экономики, свойственная всем воюющим державам, в России приобрела особый размах. Свертывание частного бизнеса и замена рыночных рычагов мерами государственного регулирования подготовили в конечном итоге почву для того административно-бюрократического варианта экономического роста, который утвердился в стране после 1917 г.

В регионально-политическом отношении двумя ведущими группами российских предпринимателей являлась московская и петербургская буржуазия. Москва представляла собой центр громадного экономического района, ведущей отраслью которого являлась текстильная индустрия, органично выросшая из крестьянских промыслов без значительного вмешательства со стороны государства и существенных заграничных инвестиций, опирающаяся на сеть московских коммерческих банков, где преобладали торговцы и промышленники. С середины XIX в. московская буржуазия выступала в роли выразительницы интересов всего отечественного предпринимательского мира.

Предприниматели петербургского района связаны были по преимуществу с отраслями тяжелой промышленности и кредитно-банковскими учреждениями, тесно связанными с Министерством финансов и заграничными партнерами, поэтому они больше зависели от правительственных канцелярий и заграничных инвесторов. На рубеже двух веков в деловом мире все явственнее проступало противостояние Москвы, как оплота национальной идеи, и "космополитического" Петербурга, олицетворявшего в глазах москвичей западное влияние на русскую почву. Либеральные московские "текстильщики" отличались оппозиционным настроением по отношению к власти, тогда как петербуржцы в политическом отношении были

более индифферентны, ограничиваясь, как правило, вопросами экономической политики. Эти расхождения тормозили консолидацию отечественных предпринимателей в единую общественно-политическую силу, однако события революции 1905 г., обнажившие слабость абсолютистского режима, усилили центристские тенденции.

Революционная смута побудили предпринимателей к активному политическому выступлению на либеральной платформе. Лидерами этого движения выступили так называемые молодые московские предприниматели (П.П. Рябушинский, А.И. Коновалов и др.), настаивавшие на введении в России конституционно-монархического строя с законодательным парламентом. Ими было основано несколько политических партий (умеренно-прогрессивная, торгово-промышленная и др.), однако все они оказались слабыми и распались после выборов в I Государственную Думу весной 1906 г. Сделанная в тот период ставка на консолидацию только предпринимательских слоев, малочисленных (предприниматели вместе с членами семей составляли в начале XX в. едва 1% от общего населения империи) и не пользовавшихся поддержкой широких социальных слоев, оказалась ошибочной, что впоследствии признали и сами политические лидеры российской буржуазии.

Межреволюционное десятилетие 1907-1916 гг. характеризовалось растущей политической конфронтацией либеральных предпринимателей с властью, забывшей свои конституционные обещания, и попытками деловых кругов привлечь на свою сторону широкую общественность. В этот период кристаллизуется политическая программа "буржуазистов", как стали называть либерально-оппозиционных предпринимателей. В наиболее полном виде их идеалы отразились в программе образованной в 1912 г. партии прогрессистов. Сутью предложенной "прогрессистской" буржуазией модели общественного развития являлось создание сильного правового государства и оптимально функционирующей рыночной экономики. Конституционно-парламентский режим, по их убеждению, должен был строиться на четком разделении трех ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной), составляющих единую целостную систему правового государства, замысел был и широкий комплекс социальных реформ, направленных на подъем жизненного уровня рабочих и смягчение напряженности в обществе. По существу то была европейская либеральная модель, нацеленная на преодоление внутреннего кризиса в стране.

Исходя из исторического опыта западноевропейских стран, успешно развивавших рыночную модель экономики, лидеры предпринимательского класса России предлагали собственный национальный вариант экономического роста. Основопологающим его пунктом был тезис о том, что в условиях индустриальной модернизации, переживаемой в то время страной, должны быть коренным образом изменены приоритеты между основными секторами народного хозяйства - промышленным и аграрным. Под лозунгом "Купец идет!", выдвинутым П.П. Рябушинским, провозглашалась новая система ценностей. Основными ее пунктами стали создание индустриальной экономики и выдвигание на передний план общественно-политической жизни либеральных предпринимательских слоев. Крайне заботило их состояние аграрного сектора, поскольку, стесненная условиями крестьянской общины, масса бедного сельского населения не могла обеспечить расширение внутреннего рынка для растущей промышленности. Поэтому, несмотря на острые политические расхождения с П.А. Столыпиным, "буржуазисты" поддержали начатую им реформу, направленную на создание крепкого крестьянского хозяйства по типу фермерского.

Для разработки стратегии экономического развития страны ими были привлечены лучшие интеллектуальные силы либеральной интеллигенции во главе с П.Б. Струве. В 1908-1912 гг. по инициативе Рябушинского и А.И. Коновалова в Москве проводились "экономические беседы", на которых обсуждались стратегические и тактические меры ускорения индустриального роста. Под влиянием этих контактов и либеральная общественность меняла свой, традиционно предвзятый, взгляд на представителей мира бизнеса, проникалась верой в созидательные способности предпринимателей, осознавала необходимость, говоря словами того же Струве, "признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму". Накануне и в годы Первой мировой войны либерально-оппозиционная буржуазия стремилась и к широкому политическому альянсу с левыми политическими партиями для совместного выступления против абсолютистского режима и сплочения рабочей массы под либеральными лозунгами. Попытки эти, правда, остались безуспешными из-за явно недоверчивого отношения леворадикальных сил к "купеческим" либеральным деятелям. Февральскую революцию деловой мир страны встретил в целом с облегчением как избавление от пережившего себя "старого режима".

Тенденция к политической консолидации буржуазии обрела свое завершение в создании в марте 1917 г. по инициативе П.П. Рябушинского Всероссийского торгово-промыш-

ленном союзе - первой политической организации предпринимателей всероссийского масштаба, воспринявшей лозунги "прогрессистской" партии. Несмотря на постоянное соперничество за лидерство между московской группой и петербургской, опиравшейся на экономические представительные организации (Совет съездов представителей промышленности и торговли), тенденция к политическому единению на платформе "прогрессизма" брала верх над "фрагментацией" предпринимательского класса, особенно под влиянием таких мощных факторов, как мировая война и Февральская революция.

В послереволюционный период, когда буржуазия получила реальные рычаги власти (А.И. Коновалов, например, стал министром торговли и промышленности в первом составе Временного правительства), ей все же не удалось в условиях общенационального кризиса реализовать свою программу, в принципе способную перевести страну на рельсы общемирового развития. Дело здесь, думается, не столько в ее недостатках, о которых любила писать советская историография ("ограниченная", "неразвитая" и т.п.). По своему интеллектуальному и образовательному уровню политические лидеры российских предпринимателей не уступали по крайней мере своим европейским коллегам. Однако если в своей среде они сумели добиться политической консолидации, то повести за собой основную массу населения, стать той стабилизирующей основой общества, которая предотвратила бы сползание страны в катастрофу, им так и не удалось. Поражение либеральных предпринимателей в 1917 г. было вызвано глубинными факторами российской истории - незавершенностью буржуазных преобразований, отсутствием правового государства и гражданского общества, слишком тонким "средним" слоем - факторами, которые они стремились, но не имели сил изменить.

Л.М. Епифанова

Биржа и представительство интересов предпринимателей

Биржи в дореволюционной России (к 1913 г. их насчитывалось 93) были не только одной из наиболее ярких реалий экономической жизни, но и, в отличие от других стран, выполняли функции предпринимательских представительных организаций.

Беря за основу изучения предпринимательского представительства принцип системного подхода, буржуазию следует рассматривать как систему, структурированную по горизонтальным уровням и вертикальным срезам. Первые соответствуют разным уровням класса: класс в целом, слои (крупная, средняя и мелкая буржуазия), группы (отраслевые, региональные) и т.д. Срезы заданы областями функционирования класса - производственно-экономической, социально-экономической, социально-политической. Каждому вертикальному срезу соответствует свой уровень классовой организации. На производственно-экономическом срезе действует фундамент организационной структуры буржуазии - предприятие. Предпринимательские организации разного рода действуют в плоскости социально-экономических отношений. Политические объединения и партии соответствуют социально-политическому срезу.

Исследование предпринимательских организаций чрезвычайно перспективно для преодоления существующего до сих пор разрыва в изучении социально-экономических и социально-политических аспектов истории российской буржуазии. Во-первых, конкретизируется проблема взаимоотношений класса или его слоев (групп) с правительством, способов и рычагов воздействия на органы власти и влияния на общество. Во-вторых, изменения состава, внутренних структур предпринимательских организаций, характера, направлений и масштабов их деятельности, в определенной степени, отражают эволюцию того слоя или группы (групп) буржуазии, которые представляют данные организации. Изменения эти, в конечном счете, являются одним из показателей эволюции всего предпринимательского класса, изучение их позволит прояснить социальный облик российской буржуазии. В-третьих, проблема предпринимательских объединений непосредственно связана с вопросом о соотношении тенденций дифференциации и консолидации в ходе развития отечественного делового класса, о балансе центробежных и центростремительных сил внутри него.

Методы представительства российских бирж до революции подразделяются на три основные группы. Первая включала ходатайства биржевых обществ перед соответствующими инстанциями о пресечении злоупотреблений и устранении неудобств, произошедших вследствие действия каких-либо законов или распоряжений в торгово-промышленной сфере. Вторая возникла в результате обсуждений биржевиками проектов, составленных министерствами, с формулированием заключений и отзывов на них, представлений правительству

своих предположений о мероприятиях, необходимых для нормального развития торговли и промышленности. Третья группа предусматривала участие представителей бирж в работе различных правительственных и общественных учреждений и совещаний. Биржи также были привлечены к формированию Государственного Совета, избирая выборщиков от торговли и промышленности.

Историю бирж как представительных организаций принято начинать с утверждения 20 марта 1870 г. нового Устава Московской общей биржи. Непосредственным толчком к обретению биржами представительных функций послужила ситуация, сложившаяся в деле представительства интересов делового мира России в период реформ 1860-1870-х гг. Мануфактурный и Коммерческий советы, даже после их преобразования в 1872 г. в единый Совет торговли и мануфактур, сохранили прежний полубюрократический характер. Купеческие управы являли чисто сословные учреждения и служили своеобразным придатком казенных ведомств. Всероссийские торгово-промышленные съезды, первый из которых был созван в 1870 г. в Петербурге, не стали регулярно работающей организацией в силу своей громоздкости и разнородности состава. Буржуазия, не прошедшая еще стадии организационного оформления региональных и отраслевых интересов, в то время не была готова к объединению в масштабах империи. Предприниматели, во второй половине XIX в. находившиеся в относительно благоприятных условиях и еще не пережившие социальных потрясений, на испытывали особой необходимости в создании "единого фронта" в форме всероссийского объединения. Научно-практические общества — Императорское Русское техническое, Общество для содействия развитию русской промышленности и торговли — не могли ни организационно, ни по положениям своего устава удовлетворить стремление предпринимателей к защите собственных интересов. Отраслевые съезды предпринимателей вследствие ограничений со стороны Министерства финансов функционировали только в горнодобывающей промышленности.

Становление бирж как представительных организаций в немалой степени зависело от особенностей их законодательно-административного устройства. Биржевая деятельность в России регулировалась как общероссийским законодательством — Торговым уставом, так и отдельными уставами конкретных бирж. Биржевое законодательство на микроуровне достаточно мобильно реагировало на изменение социально-экономических условий и учитывало потребности предпринимателей. Биржи были относительно независимым от властей институтом: инициатива в их учреждении была передана на места, личный состав руководящих органов являлся выборным. Находясь в подчинении Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, позже Отдела торговли Министерства торговли и промышленности, биржи имели право в определенных случаях обращаться напрямую к министру или в другое ведомство. Экономическую независимость бирж обеспечивала система их самофинансирования.

Обретению российскими биржами представительных функций способствовало и то, что вплоть до рубежа XIX-XX вв. они не играли в экономике столь заметной роли, как в Западной Европе и Америке. Заметим, что проблема деятельности российских бирж как товарных и фондовых рынков относится к категории малоисследованных.

По своему составу биржи были организациями преимущественно крупного и крупнейшего капитала. Поскольку их принято относить к объединениям территориального типа, то одним из главных аспектов изучения биржевой организации является вопрос о равномерности представительства отраслей в районе действия биржи. В литературе отмечалось, что состав биржевых обществ был случайным и неравномерным: они защищали интересы только тех отраслей, которые были заинтересованы в бирже как месте совершения торговых сделок. Однако вопрос о степени необходимости биржи-рынка для конкретных областей и районов страны остается и по сей день малоисследованным. Тем не менее следует признать, что биржи нередко выступали выразителями интересов отдельных отраслей промышленности своего района. Главной же их задачей оставалось согласование потребностей разных отраслей внутри района и представительство общих территориальных интересов вовне.

По внутренней структуре российские биржи были однотипны. Вопросы экономической и общественной деятельности решались на общих собраниях членов биржевого общества. На нескольких биржах, особенно многочисленных (Петербургской, Московской, Киевской и Нижегородской ярмарочной), из членов биржевого общества по примеру земских гласных избирались специальные представители (выборные или гласные), которым общество делегировало свои права и обязанности. Органом исполнительно-распорядительной власти был биржевой комитет, непосредственно и постоянно управляющий всеми биржевыми

делами. Для предварительного обсуждения наиболее важных проблем создавались вспомогательные временные или постоянные структуры - совещания, комитеты, комиссии.

С 1905 г. Министерство финансов и некоторые предпринимательские организации стали настаивать на реформировании представительства путем введения нового для России типа организаций - торгово-промышленных палат. Министерство торговли и промышленности, также как и Совет съездов представителей промышленности и торговли считали необходимым создание палат как местных (на уровне губернии) организаций, главным образом, на факультативной основе - по желанию местных предпринимательских кругов. Московская биржа полагала более рациональным введение палат принудительным путем, причем при охвате больших территориальных единиц - экономических регионов. Москвичи понимали, что максимально централизованное, унифицированное, одновременно введенное сверху в масштабах всей страны представительство станет гораздо более мощным рычагом давления на власть, чем рыхлая факультативная система. При этом и Министерство торговли и промышленности, и Московская биржа проектировали безусловное изъятие права общего торгово-промышленного представительства у бирж.

Однако провинциальные биржевики, движимые интересами узкого регионального сепаратизма, были против подчинения сравнительно жесткой организации палат. Основной причиной неприятия идеи введения палат была боязнь ломки сложившихся отношений и потери привычного инструментария. "Положение о торгово-промышленных палатах" стало законом только при Временном правительстве в октябре 1917 г. Таким образом, главными представительными организациями на местах вплоть до революции оставались биржевые общества и их комитеты.

Биржевые общества и комитеты в исследовательской литературе рассматривались обобщенно, наряду с другими типами торгово-промышленного представительства. Для решения проблемы эффективности представительства деловых интересов в дореволюционной России необходимо перейти к конкретно-историческим исследованиям на микроуровне, т.е. деятельности отдельных биржевых организаций.

М.Л. Гавлин

Предприниматели и российская культура (вторая половина XIX - начало XX в.)

В последнее время героями исследований о предпринимательстве в России все чаще становятся исторические личности. Но, думается, при обращении к ним мы зачастую не умеем представить их объемно, пространственно, во всей сложности и глубине. Меня в свое время поразил небольшой отрывок из воспоминаний Саввы Ивановича Мамонтова о его путешествии в Италию в 1888 г. Размышляя о характере художественной жизни Флоренции периода Ренессанса, он писал: "Ряд великих имен создавал этот характер и неотразимой силой своего гения подчинил себе все общество, начиная с могущественного герцога, папы и кончая последним бедняком. Искусство не было прихотью, приятной забавой, оно руководило жизнью, политикой, на него опиралась церковь, религия. Золотой, счастливый век!" Поставить искусство впереди жизни, впереди политики, чтобы оно если и не управляло миром, то определяло основные его моральные, духовные ценности, - о таком может размышлять только человек очень высокой, рафинированной культуры, художник и философ. И от кого исходят эти глубокие размышления о возвышающей силе искусства? От русского купца, промышленника, сына винного откупщика.

Можно, конечно, говорить о том, что Мамонтов, "Савва Великолепный" - редкое исключение, талант, что таких, как он, были единицы в купеческой среде. Но, во-первых, такие исключения весьма часто силою своего авторитета определяют вектор движения в обществе, а во-вторых, чем больше читаешь воспоминания, публицистику, документы тех лет, полузабытые статьи в полузабытых журналах, тем больше убеждаешься, что Мамонтов совсем не одинок. Открывается целая галерея талантливых просветителей, коллекционеров и меценатов из купеческого сословия. И начинается она не с Мамонтова и даже не с Третьякова, а гораздо раньше - с первых Боткиных, братьев Полевых, Солдатёноква, Кокорева и многих других.

Возникает вопрос: не является ли искаженным, односторонним наше представление о низком культурном уровне купечества? Не навязано ли оно нам устоявшейся традицией негативного отношения к этому сословию в российском обществе? Ведь неприятие в обществе долгое время вызывала деятельность даже лучших представителей купечества в

области просвещения, покровительства искусстваам и наукам. В свое время В.П. Боткин - совладелец известной торговой фирмы в Москве и по совместительству блестящий мыслитель и философ - возмущенно писал своему другу П.В. Анненкову: "Как же не защищать ее (буржуазию. - М.Г.), когда наши друзья, со слов социалистов, представляют эту буржуазию чем-то вроде гнусного, отвратительного, губительного чудовища, пожирающего все прекрасное и благородное в человечестве?"

Представления о купечестве как о "темном царстве" особенно несправедливы в отношении "золотого века" в истории российского меценатства, когда действовали Третьяков, Солдатёнков, Мамонтов, Щукины, Морозовы, Бахрушины и многие, многие другие. Современники называли вторую половину XIX в. "медичивским" периодом в истории культуры России за небывалый размах меценатской деятельности представителей российского предпринимательства. Действительно, имена этих российских Медичи были в годы расцвета купеческого меценатства у всех на устах. То было время подлинного "ренессанса" отечественного искусства, созвучного эпохе итальянского Возрождения по своему духовному и эстетическому взлету. Многие воспоминания и документы тех лет раскрывают нам глубокую внутреннюю взаимосвязь и союз, существовавшие между двумя деятельными творческими силами русского общества, нуждавшимися друг в друге, - цивилизованной частью предпринимателей и творческой интеллигенцией. В действительности были органично соединены, а не враждебны друг другу, как нас длительное время убеждали, эти два мира - мир купцов и промышленников, покровительствующих искусству, и мир художников и артистов, творящих его. Не случайно поэтому тяготение, свойственное российским предпринимателям, к людям творческих профессий - художникам, актерам, музыкантам, писателям, ученым. Из среды самих предпринимателей, в последующих поколениях получивших отличное образование, вышло немало блестящих представителей литературы, искусства и науки.

В связи с этим никак нельзя согласиться с резко негативной, не вполне объективной оценкой культурного облика русской буржуазии, берущей свое начало в "Темном царстве" Добролюбова. К сожалению, эта оценка получила широкое распространение в общественном мнении дореволюционной России, а затем была директивно утверждена в России советской. Суть ее сводится к ряду утверждений скорее эмоционального характера - буржуазия не имела своей культуры, не выработала своей идеологии, создавая материальные ценности, она не участвовала в создании духовных богатств. По-видимому, действительно то или иное историческое явление во всей его целостности лучше, объемнее видится на определенном историческом отдалении. Мы сейчас с восхищением открываем целые пласты отечественной культуры второй половины XIX - начала XX в., самым тесным образом связанные с именами предпринимателей России. Можно не говорить о вершинах -Третьякове и Мамонтове. Но разве не обязано развитие "народного" стиля в архитектуре усилиям Кокорева и Пороховщикова? Разве вся эпоха русского "модерна" в архитектуре не обязана своим расцветом именно купечеству? "Снобы" от культуры и называли его "купеческим" стилем. Расцвет прикладного искусства в России целиком связан с именами Мамонтова, Серг.Т. Морозова, М.К. Тенишевой и многих десятков предпринимателей-меценатов в провинции. А новые направления в живописи, в театре, музыке, литературе, в киноискусстве, в издательском деле! Их развитие, теперь это очевидно, невозможно представить без участия меценатов и покровителей из купеческой, предпринимательской среды. Разве весь этот взрыв и блестящий расцвет русского искусства конца XIX - начала XX в., подготовленный в 60-80-е гг. и околдовавший во время "русских сезонов" С. Дягилева Европу, целиком не обеспечен непосредственным массовым участием представителей буржуазии, предпринимательского слоя в этом процессе? Можно привести длинный список блестящих имен того времени - выходцев из купеческой среды. В их числе такие великие имена, как Чехов и Станиславский, выдающиеся таланты - архитектор Шехтель, художник Нестеров, поэт Брюсов, писатели И. Шмелев, А. Ремизов, театральный режиссер Е. Вахтангов, художница М. Якунчикова, ученые Д.П. Рябушинский и братья С.И. и Н.И. Вавиловы - всех не перечислишь. Но еще важнее был массовый интерес к искусству, культуре, который возник в купеческой, предпринимательской среде к концу прошлого века и во многом был подготовлен всей предшествующей деятельностью крупнейших купеческих собирателей и меценатов 1860-1880-х гг.

В начале нового столетия это уже были не отдельные одинокие фигуры. За кулисами русского искусства в новую эпоху можно обнаружить толпу меценатствующих купцов, фабрикантов, заводчиков, банкиров, биржевиков, связанных с миром искусства самыми разнообразными узам. Известный журналист того времени Влас Дорошевич в рассказе

"Декадент" не без сарказма писал о тесной связи представителей этих двух миров даже на бытовом, семейном уровне: "Где декадент на виду, там беспрерывно в глубине сцены купец прячется. Декадент завсегда при купце состоит. Без купца декадента не бывает. Такое у нас положение. Журнал декадентский. Кто издатель? На купеческие деньги. Выставка, - кто меценаты? Купцы. И каждый декадент, заметьте, тем кончает, что на богатой купчихе женится". Пожалуй, никогда еще интерес и тяготение к искусству, художественному творчеству, культуре в предпринимательской среде не носили такого массового и всеобъемлющего характера, как на рубеже XIX-XX вв., хотя увлечение это вызывалось порой не только бескорыстной любовью к искусству, но и престижными соображениями. В среде торгово-промышленного класса, в крупных предпринимательских родах шло накопление глубоких культурных пластов. Образование и интерес к культуре постепенно пронизывали всю толщу российского купечества. И если буржуазия в России не успела пережить еще своего культурного расцвета, то, во всяком случае, стояла на его пороге.

В области культуры, приходят к выводу современные исследователи, русское купечество имело свою культурно-историческую миссию, прямо противоположную миссии дворянства, - преодолеть глубокое расслоение, наметившееся после реформ Петра I, между культурой европеизированной, дворянской (культурой образованных классов) и культурой народной. И эта миссия российского предпринимательства нагляднее всего проявилась в истории купеческого меценатства. Пройдя длительный путь самостоятельного развития и размежевания с дворянской культурой, точнее с той линией ее развития, которая шла от ориентации на европейское заимствование, отдав немало сил возрождению идей "национальности" и "народности", купечество к концу XIX в. пришло, в лице просвещенных своих представителей, к осознанию необходимости усвоения общечеловеческих, мировых культурных ценностей. Тем самым меценаты из купечества приблизились к выполнению своей миссии - уменьшению разрыва между двумя культурами - дворянской и народной. С этого времени происходит постепенное сближение двух линий развития русской культуры, формируется новая культурная общность образованных классов. Рождается совершенно новый мир, союз, свободный от старых сословных предубеждений, ломающий прежние корпоративные перегородки. Союз этот отражал формирование новой социальной общности и обещал очень многое.

Этапы этого пути развития явственно отразились в истории купеческого меценатства второй половины XIX - начала XX в. В ней можно выделить, на наш взгляд, два основных периода. Первый, начавшийся еще в дореформенные годы, продлился до второй половины 1890-х гг. К этому периоду относится начало купеческого собирательства, накопление знаний, выработка общественной позиции у наиболее ярких представителей купечества, переходивших от простого увлечения собирательством для себя к более зрелым, осознанным формам коллекционерства и вместе с тем к последовательной меценатской деятельности. Причем 1860 - начало 1890-х гг. - время наиболее активной деятельности таких выдающихся купеческих меценатов и коллекционеров старшего поколения, как К.Т. Солдатёнков, П.М. Третьяков и другие (речь идет только о "знаковых" фигурах, в действительности их было гораздо больше, в том числе и в провинциальной России), внесших серьезный вклад в развитие национальной школы искусства, литературы. Их деятельность была направлена на поддержку народного просвещения и культуры, отражала гражданские устремления общества того времени.

Второй период охватывает вторую половину 1890-х гг. и до 1917 г. Он характеризуется более массовым распространением коллекционерства и меценатства в предпринимательской среде, переходом к новым стилям в различных областях художественного творчества и литературы, сменой художественных вкусов. На авансцену выходит молодое поколение меценатов из среды предпринимателей, многие представители которого больше внимания в своей деятельности уделяют новым направлениям в искусстве, литературе, идущим из Западной Европы, ознакомлению русской публики с достижениями мировой культуры. В предпринимательской среде появляется все больше людей, стремившихся к получению творческих профессий, к самостоятельному художественному и литературному творчеству. В то же время начинает складываться и культурная общность образованных классов, отражающая формирование внесословной социальной структуры в России. Поэтому говорить приходится уже не о чисто купеческом меценатстве, а о меценатстве представителей более широко понимаемого предпринимательского слоя.

Можно попытаться более точно определить эту "смену веков" в истории российского купеческого меценатства, которая приходится на 1898 г., когда произошли два знаменательных события. В 1898 г. уходит из жизни П.М. Третьяков, олицетворяющий собой кульминацию

развития прежнего поколения купеческих меценатов России и их ориентацию на поддержку национального, берущего начало в народной жизни искусства, литературы. Купеческие меценаты этого поколения, в большинстве являвшиеся выходцами из крестьянства, проявляли более глубокий интерес к народным корням русской культуры, противопоставляя их европейским увлечениям дворянства. В том же 1898 г. в Главное управление по делам печати поступило прошение о разрешении "выдать в свет" новый журнал под названием "Мир искусства". Прошение об издании художественного органа нового направления, во главе которого стояли Сергей Дягилев и Александр Бенуа, было подписано совместно коммерции-советником С.И. Мамонтовым и женой крупнейшего заводчика княгиней М.К. Тенишевой. Это событие знаменовало начало нового периода в истории меценатства российских предпринимателей. Конечно, смена поколений началась еще задолго до этого события - в 1880-1890-е гг. Но именно 1898 г. можно считать тем рубежом, когда в искусстве вполне отчетливо проявился, идейно и организационно, поворот к новым эстетическим концепциям и стилям, и этот поворот был решительно поддержан крупнейшими российскими предпринимателями. Конечно, границы периодов достаточно условны, так как культурную, меценатскую деятельность многих купеческих династий трудно вместить в какие-то жесткие временные рамки. Однако даже самая общая периодизация позволяет более четко представить, какой сложный и впечатляющий путь прошло российское предпринимательство в своем культурном развитии. Основные стадии его отчетливо просматриваются в судьбах многих крупных предпринимательских династий старой России. Но возникает важный вопрос: сумело ли русское купечество выполнить выпавшую на его долю культурно-историческую миссию, о которой мы говорили, удалось ли ему устранить ту пропасть, которая разделяла в культурном отношении образованные слои, с одной стороны, и массы крестьян и фабричных рабочих - с другой? Задача эта оказалась гораздо более трудной, чем сближение культур в сравнительно узкой сфере литературы и искусства, и до выполнения ее, до полного просвещения народа было еще очень далеко. Удалось лишь немного расширить фундамент демократической городской культуры, но продолжал зиять колоссальный разрыв между необъятным морем крестьянской культуры и жизнью образованных слоев предреволюционной России, между народом и интеллигенцией. Остро чувствовавший этот разрыв, это "страшное разделение", Александр Блок писал в 1908 г.: "Есть действительно не только два понятия, но две реальности: народ и интеллигенция; полтора миллиона с одной стороны и несколько сот тысяч - с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном". Именно в этом непонимании, в этом разрыве между ними ему виделась "самая недоступная черта" (пушкинские слова), предопределившая трагедию России.

Г.Н. Ульянова

Духовный облик и образ жизни предпринимателей пореформенной России

Один из крупнейших дооктябрьских исследователей истории предпринимательского слоя В. Сторожев писал в "Истории Московского купеческого общества", изданной в 1910-х гг.: "У купеческого сословия как такового есть своя культура и своя культурность; этот элемент исторических судеб русского купеческого сословия не только не изучен, но в сущности и не начат изучением с точки зрения социологической". Эти слова не потеряли своей актуальности и сегодня, несмотря на то, что еще в 1920-х гг. появились замечательные работы М.Д. Приселкова и Б.Б. Кафенгауза, а в 1960-х - К.С. Куйбышевой. М. Приселков в эссе "Купеческий бытовой портрет XVIII-XX вв." заметил, что в дореформенное время купечество стремилось преодолеть свое низкое происхождение, одворяниться. Уточняя и развивая формулировку Приселкова, хотелось бы сказать, что в пореформенное время купечество стремилось к образованности, видя приметы благородства в интеллигентском стиле жизни, как раньше в дворянском. Думается, в основном именно такая схема определяла культурную эволюцию купечества, его ценностные ориентации.

Нет сомнений, что предпринимательский слой был многолик и неоднороден, он находился в постоянном движении. Наряду с династиями, насчитывавшими от четырех до семи поколений (например, в Москве или в крупных сибирских городах, как Иркутск), в купеческую среду стремительно врывались удачливые новички - вчерашние крестьяне. Начиная с конца XIX в., этот процесс интенсифицировался за счет того, что торгово-промышленное

дело перестало быть делом купечества, им стали заниматься представители высоких слоев общества, прежде всего дворянства и чиновничества, а также интеллектуальных профессий (к примеру, инженеры).

В последние годы о купечестве в связи с его культурной миссией в конце XIX- начале XX в. издано немало книг, в том числе мемуарной и жизнеописательной литературы. Несмотря на апологетический характер многих воспоминаний (да и современных очерков), эти и прочие источники содержат немало свидетельств, проливающих свет на культурный облик предпринимателей. Б.Б. Кафенгауз отмечал: "Пользуясь мемуарной литературой, можно отчетливо представить домашний быт и мировоззрение купечества". А "быт, - как писал Ю.М. Лотман, - это не только жизнь вещей, это и обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон". Само появление в начале XX в. ряда воспоминаний представителей предпринимательского слоя - Н.К. Крестовникова, Н.П. Вишнякова, Н.А. Найденова, а в 1950-х -П.А. Бурышкина и др., говорило о саморефлексии купечества, свидетельствовало о появлении интереса к истории своего сословия среди просвещенных коммерсантов.

Что представляло собой купечество накануне 1860-х гг.? Очевидно, что по сравнению с дворянством оно было забыто и принижено. Однако внутри этой, уже внушительной социальной группы, существовал свой бытовой уклад и свое мировоззрение. Здесь весьма важен, и в каком-то смысле первичен вопрос об отношении купечества к образованию. У многих мемуаристов отчетливо звучит мысль, что старшее поколение предпринимателей, не являясь людьми с образованием, *интуитивно* чувствовало необходимость содействовать наилучшему обучению детей. При этом в среде купечества наблюдались и совершенно выдающиеся случаи, когда образование, соединяясь с природной одаренностью, порождало в одной семье когорту незаурядных личностей. Хрестоматийным примером в этом смысле является семейство чаепромышленников Боткиных, второе поколение которых дало русской культуре публициста Василия Боткина, крупного врача-клинициста С.П. Боткина и историка искусства и мецената М.П. Боткина.

Купеческая среда порождала сильные, волевые характеры, а деньги позволяли реализовывать судьбу, не подчиняясь общепринятым нормам. Здесь любопытны некоторые женские жизнеописания, к примеру, Анны Ивановны Волковой - жены банкира, ставшей видной публицисткой и издательницей одного из первых российских женских журналов, и А.А. Абрикосовой - известной в Европе русской женщины-врача (Абрикосова, происшедшая из семьи знаменитых русских кондитеров, в Париже стала ученицей Шарко и защитила диссертацию на степень доктора по невропатологии).

Показательно, что крайним выражением стремления лиц купеческой среды к образованности становился фактический разрыв с образом жизни и занятиями своей "материнской" социальной группы. Купеческие потомки уходили в науку, искусство, дипломатию и другие сферы деятельности.

Осознание необходимости хорошего образования постепенно привело и к изменению воззрений на просвещение рабочих. Это было связано и с усложнением технического оснащения российских промышленных предприятий, что требовало от рабочего определенной сноровки и новых знаний. Передовые фабриканты создавали при своих фабриках курсы для рабочих, библиотеки, даже театры.

При изучении предпринимательского слоя значим вопрос о роли семейных традиций в жизненном укладе предпринимателей. В этом ракурсе, я считаю, следует рассматривать и купеческую мораль, и купеческий быт. Внутрисемейные отношения были направлены на сохранение и упрочение семейных капиталов. Интересные данные в этом смысле содержатся в духовных завещаниях купцов. Все, в том числе и получение хорошего образования, было призвано служить основой для умножения семейного богатства. Немаловажно и то, что в пореформенный период в ряде старых купеческих династий начинает осознаваться некая кастовость своего круга, происходит кристаллизация своей социальной идентичности. Это выражалось в известной щепетильности "купеческой аристократии" по отношению к тем лицам, которые принимались или не принимались в узкий круг избранных.

Следующий вопрос - роль религиозного чувства у предпринимателей. Религиозность воспринималась в их среде как безусловная добродетель. С религиозным чувством были напрямую связаны филантропические поступки. Особенно истовое отношение к религии отличало старообрядческую среду. В известной степени это было связано с преследованием старообрядчества. Показательно, что ярая приверженность к религиозным устоям многих купцов 1860-1880-х гг. имела корни в этом конфликте. Как показывает анализ

биографического материала, наиболее ревностные поборники благочестия выходили либо из людей, твердо стоявших на позициях старообрядчества, либо из перешедших в официальное православие и безоглядно отдавших защите своего религиозного выбора. В этом смысле интересны выявленные нами примеры ухода богатых старообрядцев в иночество. На закате жизни ушел в иноки московский текстильный фабрикант И.П. Бутиков. Д.Д. Морозова тоже закончила земной путь "в инокинях схимница Девора".

И наконец, следует отметить еще один момент. Неколебимое отношение к вере в купеческой среде способствовало упрочению деловой репутации того или иного бизнесмена. При отсутствии письменных документов (входивших в практику деловой жизни очень постепенно) "верность Богу" ассоциировалась с твердостью и надежностью слова при устном заключении контракта.

Весьма интересные данные были получены нами при исследовании вопроса о круге чтения и литературных пристрастиях купцов, их увлечении театром. Оказывается, в пореформенный период наблюдался постепенный выход за круг чтения исключительно назидательной, религиозного характера литературы. Этот выход, на наш взгляд, шел по двум линиям. Одну линию представляла тяга к миру литературы и искусства взрослых представителей предпринимательской среды, так сказать, самообразование. Другой линией было постоянное окультуривание молодых поколений предпринимательского слоя через самое лучшее, по меркам времени, образование и воспитание. И когда происходило совпадение этих двух линий, случались выдающиеся явления национальной культуры, такие, как Третьяковская галерея, музей С.И. Щукина или театр С. Мамонтова.

С последней трети XIX в. образ жизни культурного "элитного" купечества по стилю и характеру времяпрепровождения мало чем отличался от дворянского. В начале XX в. по своим запросам многие представители культурной купеческой среды мало чем отличались от представителей интеллектуальных профессий. Представители купечества становились не просто страстными библиофилами, но знаменитыми коллекционерами книжных редкостей. Выдающимися были коллекции А.И. Хлудова, Ф.Ф. Мазурина, Павла В. Щапова, содержавшие редкие рукописи и издания XIV-XIX вв. К слову сказать, за исключением Щапова, окончившего историко-филологический факультет Московского университета (он был учеником Ф.И. Буслаева), почти все купцы-библиофилы приобретали свой обширный кругозор в результате самообразования.

Многие культурные московские купцы становились занятыми театрами. Еще в 1870-х гг. домашний театр существовал в усадьбе "Черемушки" Якупчиковых. В 1890-х гг. увлечение театром стало всеобщим - "любительские спектакли были самым модным развлечением, домашние театральные кружки нарождались, как грибы после дождя". Наиболее известными были кружки Мамонтова, Алексеева (из этого вырос Художественный театр), Перлова.

Интересные штрихи к характеристике купечества добавляют бытовые детали и манера одеваться. Почти до конца XIX в. употреблялись в купеческой среде выражения "ходить, одеваться по-русски, по-немецки". Фактически они служили для определения общественных групп внутри предпринимательского слоя. В то же время раскованность и органичность в купеческой среде вначале была нечастым явлением. Для большей части представителей купечества привыкание к современным формам светского общения, например, совместные обеды в дружеском кругу или поездки с визитами друг к другу, было весьма тягостно. Одеться и сделать прическу по моде было делом гораздо более простым и быстрым, чем обучиться новому стилю поведения, усвоить новые культурные навыки. Прошло два-три столетия, прежде чем ситуация поменялась, хотя еще на рубеже XIX-XX вв. в Москве, как и в других городах, встречались и совершенно патриархальные по внешнему виду типы купцов. Таким образом, и в силу обширности предпринимательского слоя, и в силу значительного культурного разрыва между представителями купеческой элиты и среднего и мелкого купечества картина быта была достаточно мозаичной.

К началу XX в. эта ситуация лишь усложнилась. Вся обстановка культурной жизни русского общества была пронизана смятенностью и одновременно необузданностью. Видный философ и культуролог Федор Степун, описывая судьбу купеческой семьи Баклановых, в доме которых он прожил несколько лет, подметил, что среди ее представителей "к величайшему удивлению дожившей до старости матери, оказались и талантливые поэты, и восторженные безумцы, и крайние революционеры, и ярые белогвардейцы". Размышляя над выявленным феноменом, он говорил, что "такая яркость психологического спектра купеческой «серости» весьма характерна для предреволюционной России". Именно многокрасочностью этого спектра Степун объяснял как "изумительный расцвет русской культуры, о

котором говорят имена меценатов Третьяковых, Шанявских, Морозовых, Щукиных, Рябушинских, Мамонтовых и т.д., так и страшные срывы русской либеральной революции в кровь и ужас большевизма: ведь удалось же Горькому в 1905 г. собрать среди именитой русской буржуазии громадные деньги на революцию, т.е. на ее собственное уничтожение".

Следует сказать и о том, что оригинальность, возможность все позволить себе за большие деньги порождала в среде купечества немало эксцентриков. Деньги пьянили, вызывали азарт вседозволенности. Не только отдельные лица, но и целые династии были известны своими выходками порой на всю Россию. Желание прославиться было неукротимым. Если получивший богатство от родителей купец не мог приобрести известность на торговом поприще, он пытался удовлетворить свою гордыню иным способом, например, через шумные загулы или через крупное пожертвование.

Таким образом, богатство возвращало в его обладателе чрезмерное тщеславие, не ограниченное в своих проявлениях - в показе своей влиятельности, своей неподчиненности общим законам, своей способности купить все и вся, одним словом, своей уникальности. С другой стороны, любовь к деньгам, округлению капиталов и их подсчитыванию приводили к другой крайности - редкостному скопидомству, иногда себе в ущерб. Все подобные случаи становились пищей для слухов и сплетен - этого важного компонента купеческого общественного мнения.

Взлет класса предпринимателей был в Российской империи весьма кратковременным (несколько десятилетий), однако весьма значимым. Тем не менее можно определенно сказать, что в начале XX в. культурные характеристики торгово-промышленного класса только начали приобретать свои устойчивые черты, представителям стабильного элитного ядра были присущи цивилизованность и высокий культурный уровень.

Приниженное положение купца, столь типичное для первой половины XIX в. (когда купцам не возбранялось лишь строительство церквей и больниц), в пореформенный период отошло в прошлое, сменилось серьезным выдвижением купечества на общественную и культурную арену. В это время происходило усвоение европейского образа жизни, повышение образовательного уровня, что в конечном счете привело к выработке новой системы групповых социокультурных ценностей при значительной роли религиозного фактора.